

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВОТВОРЧЕСТВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-245-249

Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.

ЖУКОВА Екатерина Николаевна,

аспирант кафедры международного права
Российского государственного педагогического университета
им. А. И. Герцена,
e-mail: ekaterina_shipa@mail.ru

Научный руководитель:

КОСОВСКАЯ Виктория Александровна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
международного права Российского государственного
педагогического университета им. А.И. Герцена,
e-mail: vkosovskaya@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу института обеспечения информационной безопасности в современном международном праве. На основе исследования источников международного права автором обосновывается межотраслевой, формирующийся характер института. В результате исследования сформулирован вывод о необходимости преодоления фрагментарности правового регулирования в международных информационных отношениях.

Ключевые слова: международное публичное право, источники международного права, международные договоры, международные обычаи, международная информационная безопасность.

ZHUKOVA Ekaterina Nikolaevna,

Postgraduate student of the Department of International Law of The
Herzen State Pedagogical University of Russia

Academic Supervisor:

KOSOVSKAYA Victoria Alexandrovna,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the
Department of International Law of The Herzen State Pedagogical
University of Russia

INTERNATIONAL LEGAL SOURCES ENSURING INFORMATION SECURITY IN MODERN
INTERNATIONAL LAW

Annotation. The article is devoted to the analysis of the institution of information security in modern international law. Based on a study of the sources of international law, the author substantiates the intersectoral and emerging nature of the institution. As a result of the study, the conclusion is formulated that it is necessary to overcome the fragmentation of legal regulation in international information relations.

Key words: public international law, sources of international law, international treaties, international customs, international information security.

Международно-правовое регулирование обеспечения информационной безопасности имеет важное значение для международных отношений. На универсальном уровне наблюдается устойчивая тенденция по формированию фундаментальных основ информационной безопасности в рамках международного публичного права. Этот процесс реализуется через закрепление

взаимных прав и обязанностей участников международных отношений, а также через выработку механизмов, обеспечивающих их соблюдение, и определение последствий за потенциальные нарушения. В связи с этим практическую и теоретическую необходимость приобретает анализ источников международного права, регулирующих международные информационные отношения.

Традиционно вопрос об источниках международного права выступает в качестве инструментария для установления границ нормативного регулирования. Статья 38 Статута Международного Суда ООН остается наиболее универсальным и признанным ориентиром. Закрепленный в ней перечень охватывает международные конвенции (общие и специальные), международный обычай, общие принципы права, признанные цивилизованными нациями, а также судебные решения и доктрины наиболее квалифицированных специалистов в качестве вспомогательного средства для определения правовых норм.

Приведенная выше классификация неоднократно становилась предметом пристального внимания, ее исследовали известные юристы-международники Броунли Я. [3], Тункин Г.И. [1], Бобров Р.Л. и Малинин С.А. [2]. Как справедливо отметил П.Е. Казанский, проблема определения источников выступает основополагающей для разграничения институтов различной юридической природы в учении о международном праве [4]. Число научных работ, посвященных изучению указанной проблемы, указывает на непреходящую актуальность и дискуссионность.

При всем разнообразии существующих подходов, их объединяет общее признание волевой природы источников. Эта идея получила свое последовательное развитие в трудах И.И. Лукашука, который акцентировал детерминирующее влияние международных отношений на международное право и определявшего его содержание как выражение суверенной воли государств, воплощенной в соглашении. По мнению И.И. Лукашука, соглашение субъектов проявляется в двух формах: международного договора и международного обычая [5]. Видным юристом XX века Г. Кельзеном сделан схожий вывод, что любой международный спор может быть разрешен на основании договорного или обычного права [8].

Отдельного внимания заслуживает пункт «с» статьи 38, фиксирующий общие принципы права. Как отмечал Ян Броунли, данный пункт был включен с учетом возможности адаптации Международным Судом норм, заимствованных из внутригосударственного права наиболее развитых государств, с целью восполнения пробелов в действующем договорном и обычном праве.

Общие принципы права обеспечивают единство формирующегося института обеспечения информационной безопасности. В докладе ГПЭ ООН A/68/98 от 24 июня 2013 года отражены заявления о применимости Устава ООН к ИКТ-сфере. В пункте 28 (b) доклада A/70/174 от 22 июля 2015 года ГПЭ ООН выделены принципы Устава ООН и международного права, применимые в отношении поведения государств в информационной сфере. В силу вышеизложенного ука-

занные принципы следует рассматривать именно в качестве системообразующего элемента, основы международно-правового регулирования.

В контексте информационной безопасности практическую значимость также приобретают судебные решения, в частности, постановления Европейского Суда по правам человека, касающиеся защиты права на уважение частной жизни. Хотя судебные решения и отнесены к вспомогательным средствам для определения правовых норм (п. «d» ст. 38 (1) Статута МС ООН), они выполняют функцию ориентира для толкования содержания прав человека в международных информационных отношениях.

По мнению Тункина Г.И. к перечню следует добавить обязательные нормативные резолюции международных организаций, которые в соответствии с их уставами обязательны для государств-членов [6].

Известный юрист-международник Ян Броунли полагал, что изложенный в статье 38 Статута Международного Суда ООН перечень источников международного права не содержит указания на наличие иерархии источников, определяемой порядком их перечисления от пункта «а» до пункта «d». Следовательно, система источников международного права не иерархична, каждый из источников играет свою собственную роль в единстве международно-правового регулирования.

Указанная позиция о неиерархичности источников международного права приобретает особое значение для института обеспечения информационной безопасности. Поскольку правовое регулирование складывается из разнородных элементов: конвенций, формирующихся обычаев (в частности, практики государств по обмену информацией об информационных угрозах) и общих принципов, адаптируемых к международным информационным отношениям. Представляется, что наиболее важное значение для исследования имеет предложенная Броунли классификация реквизитов обычая, состоящая из следующих элементов: а) продолжительность существования практики; б) единообразие, постоянность практики; в) всеобщий характер практики; г) убежденность в правомерности и необходимости [3]. Применение предложенной классификации к сфере информационной безопасности позволяет оценить степень сформированности тех или иных международно-правовых норм.

Из понятия источников международного права как формы существования правомерно действующих норм, созданных субъектами международного права в пределах их компетенции [7], можно заключить, что источниками обеспечения информационной безопасности выступают договоры и обычаи, регламентирующие поведение

государств в международных информационных отношениях. Их целью является защита суверенитета, территориальной целостности, критической инфраструктуры, прав человека и поддержание глобального мира.

Международно-правовые основы института обеспечения информационной безопасности были заложены Международной конвенцией об использовании радиовещания в интересах мира 1936 года, обязавшей договаривающиеся стороны препятствовать нанесению ущерба международному взаимопониманию, использованию радиовещания в целях подстрекательства к войне и распространению заведомо ложных сведений. Конвенция закрепила первые договорные основы противодействия злонамеренному использованию средств коммуникации.

Дальнейшее развитие средств передачи информации потребовало совершенствования международно-правовых механизмов реагирования на распространение недостоверных сведений. Ответом на эту потребность стала разработанная в 1952 году в рамках ООН Конвенция о международном праве опровержения, предоставившая государствам право публиковать свою версию фактов, чтобы дать корреспонденту или информационному агентству возможность исправить соответствующее информационное сообщение. В случае если какое-либо из договаривающихся государств не выполнит свои обязательства, то государство, осуществляющее свое право на опровержение, вправе не только обратиться напрямую к другому государству за разрешением разногласий, передать разногласия на разрешение Международного Суда, но и представить свое коммюнике Генеральному секретарю ООН. Указанная мера представляет особый интерес ввиду того, что преимущественно все вопросы обеспечения мира и безопасности находятся в компетенции Совета Безопасности ООН, при этом данный механизм интересен тем, что он интегрирует вопросы информационной безопасности в общую архитектуру поддержания мира под эгидой ООН, используя потенциал статьи 99 Устава. Таким образом, Конвенция стала источником раннего закрепления механизмов обеспечения информационной безопасности в международном праве. Предоставленная Генеральному секретарю возможность в рамках статьи 99 Устава ООН доводить информацию до сведения Совета Безопасности придает данному механизму системный характер, встраивая его в универсальную архитектуру поддержания мира.

Наряду с универсальными гарантиями свободы информации развитие цифровых технологий актуализировало потребность в уголовно-правовом противодействии новым формам преступности. На региональном уровне попытка ко-

дификации норм, затрагивающих информационную безопасность, была предпринята в форме Конвенции о преступности в сфере компьютерной информации 2001 года (Будапештская конвенция). Несмотря на то, что участниками конвенции являются не только страны-члены Совета Европы, ее нельзя считать универсальным международно-правовым договором. Ряд положений конвенции носит спорный характер, так, статья 32 (b) Конвенции позволяет без согласия страны-участницы получать трансграничный доступ к компьютерным данным, хранящимся на ее территории. Представляется, что потенциальные страны-участницы не присоединились к Конвенции ввиду того, что ею не предусматривается возможность совершения оговорок при ее принятии.

С точки зрения критериев Броунли, Конвенция демонстрирует высокую степень продолжительности и единообразия практики, устанавливая гармонизированные стандарты уголовного законодательства, процессуальные полномочия и механизмы международного сотрудничества. Однако всеобщий характер практики отсутствует: ряд крупных государств, включая Российскую Федерацию и Индию, не являются участниками Конвенции. Убежденность в правомерности и необходимости (*opinio juris*) существует в рамках сообщества государств-участников, однако отсутствие универсального охвата не позволяет квалифицировать нормы Конвенции как сложившийся международный обычай.

Соглашение о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации от 1 июня 2001 года действует более 20 лет, устанавливает единые подходы к сотрудничеству в расследовании и пресечении информационных преступлений. Единообразие практики ограничено кругом государств-участников СНГ, а всеобщий характер отсутствует в силу регионального характера акта. Убежденность в правомерности проявляется в круге государств постсоветского пространства, что подтверждает статус Соглашения как регионального договорного акта, но не как источника обычного международного права.

Соглашение ШОС 2009 года также носит региональный характер и представляет собой один из первых многосторонних актов, прямо посвященных международной информационной безопасности. Продолжительность практики более 15 лет и единообразие подходов в рамках ШОС, включая последовательное продвижение принципов информационной безопасности, свидетельствуют о формировании устойчивой региональной практики. Однако всеобщий характер практики отсутствует: соглашение носит региональный характер и не охватывает государства за пределами ШОС. Убежденность в правомерности

выражена в декларациях и совместных заявлениях, однако ограниченный круг участников не позволяет рассматривать данные нормы как всеобщий обычай.

Конвенция ЛАГ, принятая 21 декабря 2010 года в Каире, является региональным актом, направленным на усиление сотрудничества арабских государств в противодействии киберпреступности. Продолжительность практики более 15 лет и единообразие подходов в рамках Лиги арабских государств демонстрируют определенную степень зрелости регионального регулирования. Однако всеобщий характер практики отсутствует в силу региональной природы Конвенции. Убежденность в правомерности существует в рамках арабского мира. Конвенция содержит отсылки к исламскому праву (шариату), что ограничивает ее универсальную применимость и не позволяет рассматривать ее нормы в качестве всеобщего обычая.

Конвенция Африканского союза (Малабская конвенция), принятая в 27 июня 2014 года, вступила в силу лишь 8 июня 2023 года, став первым обязательным региональным договором о защите данных за пределами Европы. С точки зрения продолжительности практики, Конвенция имеет крайне ограниченный временной горизонт. Единообразие практики ограничено 15 государствами-участниками из 55 государств-членов Африканского союза. Всеобщий характер отсутствует. Убежденность в правомерности хотя и выражена в преамбуле и тексте Конвенции, однако медленный процесс ратификации свидетельствует о недостаточной степени признания даже на региональном уровне. В силу указанных обстоятельств Конвенция не может рассматриваться как источник обычного международного права.

Конвенция ООН против киберпреступности (Ханойская конвенция), принятая Генеральной Ассамблеей ООН 24 декабря 2024 года, представляет собой первый универсальный договор в сфере киберпреступности. Конвенция является результатом многосторонних переговоров. Однако в силу отсутствия продолжительной и единообразной практики государств, а также ввиду того, что Конвенция только открыта для подписания, ее нельзя квалифицировать в качестве источника обычного международного права на современном этапе. Вместе с тем Конвенция представляет собой потенциальный катализатор для формирования будущего обычая при условии широкой ратификации и последовательной имплементации.

Представленный анализ позволяет заключить, что среди рассмотренных актов ни один не соответствует в полной мере всем четырем критериям Броунли. Будапештская конвенция наиболее близка к формированию обычая в силу продолжительности и единообразия практики,

однако отсутствие всеобщего характера и оппозиция ряда ключевых государств препятствуют этому. Универсальная Ханойская конвенция 2024 года, напротив, обладает потенциально всеобщим характером и выраженной *opinio juris*, однако в настоящее время отсутствуют критерии продолжительности и единообразия практики. Региональные акты (СНГ, ШОС, ЛАГ, АС) ограничены географически и не могут претендовать на статус всеобщего обычая. Таким образом, международно-правовое регулирование в сфере информационной безопасности на современном этапе подтверждает тезис о фрагментарности и формирующемся характере соответствующего института международного права.

Причинами фрагментарности в области обеспечения информационной безопасности являются новизна и стремительность развития передовых технологий, разнообразие угроз, столкновение различных концептуальных подходов суверенных государств к регулированию международных информационных отношений. Изложенное не исключает возможность комплексного применения отдельных уже существующих норм и принципов, а стремление к поддержанию международного мира, стабильности и безопасности в информационной сфере соответствует критериям формирующегося института в рамках международно-правового регулирования информации.

Специфической чертой исследуемого института является его комплексный, межотраслевой характер. Противодействие преступности и агрессии в международных информационных отношениях, защита приватности, обеспечение свободы выражения мнения в сети Интернет указывают на то, что институту обеспечения информационной безопасности свойственна комплексность, обусловленная межотраслевыми связями. При этом, кругу международно-правовых отношений в области обеспечения информационной безопасности присуще уникальное предметное единство, затрагивающее правовое регулирование защиты информации в международных информационных отношениях.

Таким образом, институт обеспечения информационной безопасности выступает в качестве динамичного формирующегося межотраслевого института. Дальнейшее развитие и системная принадлежность данного направления к той или иной отрасли во много будет зависеть от выработки конкретных международно-правовых механизмов реализации ответственности государств и предотвращения конфликтов.

Список литературы:

[1] Баскин Ю.А., Крылов Н.Б., Левин Д.Б. и др. Курс международного права. В 7 т. Т. 1. Понятие, предмет и система международного права. –

М.: Наука, 1989. — 360 с.

[2] Бобров Р.Л., Малинин С.А. Организация Объединенных Наций: Международно-правовой очерк. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. — 82 с.

[3] Броунли Я. Международное право: В 2-х кн. Кн. 1. — М.: Прогресс, 1977. — 509 с.

[4] Казанский П.Е. Введение в курс международного права / / [Соч.] П. Казанского, проф. Новорос. ун-та. — Одесса : «Экономическая» тип и лит., 1901. — XII, [2], 386 с.

[5] Лукашук И.И. Источники международного права. — Киев, 1966. — 125 с.

[6] Тункин Г.И. Международное право: учебник. — М.: Юрид. лит., 1994. — 512 с.

[7] Филимонова М.В. Источники современного международного права / учебное пособие. — М., 1977. — 38 с.

[8] Kelsen H. 1952. Principles of International Law. New York: Rinehart&Co. 461 p.

References:

[1] Baskin YA, Krylov NB, Levin DB, et al. International law course. In 7 vol. 1. Concept, subject and system of international law. - M.: Nauka, 1989. - 360 s.

[2] Bobrov RL, Malinin SA United Nations: An International Legal Essay. - L.: Publishing House Leningr. University, 1959. - 82 s.

[3] Brownlie J. International Law: In 2 books. Кн. 1. - M.: Progress, 1977. - 509 p.

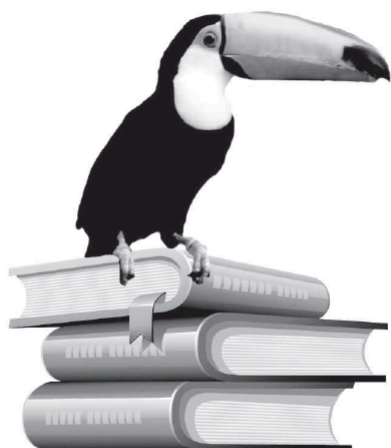
[4] Kazan P.E. Introduction to the course of international law // [Op.] P. Kazansky, prof. Novoros. University. - Odessa: "Economic" type. and lit., 1901. - XII, [2], 386 p.

[5] Lukashuk I.I. Sources of international law. - Kyiv, 1966. - 125 c.

[6] Tunkin G.I. International law: textbook. - M.: Jurid. lit., 1994. - 512 s.

[7] Filimonova M.V. Sources of modern international law/textbook. - M., 1977. - 38 s.

[8] Kelsen H. 1952. Principles of International Law. New York: Rinehart&Co. 461 p.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.